

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 81–97

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 341.781.2:271.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81>

**Православие и церковь в повседневной жизни
российских дипломатов в США конца XIX –
начала XX в.**

Вал. В. Печатнов, В. О. Печатнов*

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. На документах российских и американских архивов исследуются роль православия в системе ценностей российских дипломатов, их участие в церковной жизни и взаимоотношения со священнослужителями. Раскрывается роль православия и Церкви в повседневной жизни дипломатов Российской империи, работавших в США в 1867–1917 гг., когда взаимодействие российской дипломатии и Алеутско-Аляскинской (Северо-Американской) епархии РПЦ достигло своего расцвета. Показывается, что вся повседневная жизнь дипломатов в Америке строилась по церковному календарю с его чередой религиозных праздников, постов и других церковных событий. Делается вывод о том, что, несмотря на расхождение корпоративных культур этих институтов духовной и светской власти Российской империи, а также на большие различия в образе жизни дипломатов и священнослужителей, их объединяла общая религиозно-государственная идентичность и общая миссия – продвижение влияния России в США. На конкретных примерах выявляются основные типы участия дипломатов в жизни епархии – от формального до ревностно благочестивого. Рассматривается также уровень межличностного общения представителей духовенства и российской дипломатической колонии в США.

Ключевые слова: Алеутско-Аляскинская (Северо-Американская) епархия РПЦ, МИД, дипломатические миссии России в США, П. С. Боткин, Н. Н. Лодыженский, епископ Николай (Зиоров), архиепископ Тихон (Беллавин).

Для цитирования: Печатнов Вал. В., Печатнов В. О. Православие и церковь в повседневной жизни российских дипломатов в США конца XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 81–97. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81>

Orthodox Religion and Church in Everyday Life of Russian Diplomats in the United States of the Late 19th – Early 20th Century

Val. V. Pechatnov, V. O. Pechatnov*

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article, based on documents from Russian and American archives, explores the role of Orthodoxy in the value system of Russian diplomats, their participation in church life and relationships with the clergy. The article reveals the role of Orthodoxy and the Church in the daily life of diplomats of the Russian Empire who worked in the United States in 1867–1917, when the interaction of Russian diplomacy and the Aleutian-Alaska (North American) Diocese of the Russian Orthodox Church reached its heyday. It is shown that the entire daily life of diplomats in America was built according to the church calendar with its series of religious holidays, fasts and other church events. It is concluded that, despite the divergence of corporate cultures of these institutions of spiritual and secular power of the Russian Empire, as well as the great differences in the lifestyle of diplomats and clergy, they were united by a common religious and state identity and a common mission – the promotion of Russian influence in the United States. In the conditions of being in an alien environment, Orthodoxy for diplomats became the most important part of Russian self-identification. At the same time, much depended on the individual characteristics of the representatives of the diplomatic corps: social origin, the degree of their religiosity and other features of the worldview. Concrete examples reveal the main types of participation of diplomats in the life of the diocese – from formal to zealously pious. The level of interpersonal communication between representatives of the clergy and the Russian diplomatic colony in the United States is also considered.

Keywords: Aleutian-Alaskan (North American) Diocese of the Russian Orthodox Church, Foreign Ministry, diplomatic missions of Russia to the USA, P.S. Botkin, N.N. Lodyzhensky, Bishop Nikolai (Ziorov), Archbishop Tikhon (Bellavin).

For citation: Pechatnov Val.V., Pechatnov V.O. Orthodox Religion and Church in Everyday Life of Russian Diplomats in the United States of the Late 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 81-97. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81> (in Russian)

«Православная культура придавала особую окраску всему строю жизни и деятельности русской дипломатии, не только обставляя ее внешней обрядностью, но и наполняя глубоким внутренним содержанием», – заключает дипломат и историк А. И. Кузнецов в своем исследовании особенностей воспитания и подготовки российских дипломатов во второй половине XIX – начале XX в. [6, с. 186]. Действительно, несмотря на рост секулярных тенденций в российском обществе этого периода, православие и церковная жизнь оставались важной частью образа жизни и профессиональной деятельности российской дипломатии, в том числе и в ее зарубежных представительствах. В последнем случае значение религиозного начала даже возрастало, поскольку в условиях пребывания в чужеродной среде православие становилось важнейшей частью российской самоидентификации и неременным условием сохранения самой национальной идентичности. При всех естественных индивидуальных различиях в степени религиозности дипломатов того времени можно говорить о некоторых общих чертах их корпоративного отношения к религии и православной церкви.

Для дипломатов, стоявших на страже национально-государственных интересов и имевших, как правило, великодержавное имперское мышление, православие являлось государственной религией – духовной скрепой, необходимой для сохранения прочности огромной Российской империи, а значит, и ее статуса великой мировой державы. Сказывалось и дворянское происхождение большей части представителей дипломатического корпуса, для которой религиозные ценности с малых лет были неотъемлемой частью процесса воспитания и образования. При поступлении на службу в МИД дипломаты, как и другие государственные служащие, давали в церкви «Клятвенное обещание», обязуясь нести ответ за свои действия «перед Богом и Судом Его страшным». Клятвенные листы подписывались принимавшими клятву священниками и хранились в личных делах чиновников министерства. Таким образом, дипломатическая служба рассматривалась как важная форма не только государственного, но и религиозного служения.

Вместе с тем интернациональный и многоконфессиональный состав дипломатического корпуса с его особенно ощутимым остзейским компонентом, а также близкое знакомство с внешним миром минимизировали православный фундаментализм и панславистские настроения, присущие многим российским священнослужителям, и придавали дипломатам налет космополитизма [3, с. 29]. Дипломатам было свойственно терпимое отношение к другим христианским конфессиям, неприятие шовинизма и экстремизма на национальной или религиозной почве. Единственным исключением был антисемитизм, в котором дипломаты нисколько не уступали священнослужителям (правда, у российских дипломатов в США он имел «дежурный», или служебный, характер, поскольку местная еврейская диаспора относилась к российскому самодержавию с открытой враждебностью). В дипломатической среде культивировалось уважительное отношение к православию и православной церкви; открытый атеизм и даже равнодушие к религии считались дурным тоном, но особая набожность и религиозное рвение были редкостью.

Все эти особенности проявлялись и в жизни российской дипломатической колонии в Америке. По своему национальному составу в ней, как и в МИДе в целом, было много представителей европейской (преимущественно остзейской) аристократии: только 5 из 12 российских посланников и послов в 1867–1917 гг. относились к этническим русским. Высокой была доля русских подданных с иностранными корнями и среди среднего и младшего дипломатического состава императорской миссии в Вашингтоне и российских консульств в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Чикаго. Бароны А. Шлиппенбах и Х. Таль (консулы в Чикаго), барон Э. Шиллинг (поверенный в делах и вице-консул в Нью-Йорке), барон де Бодэ (военный атташе посольства), В. де Воллан и Ф. Гансеп (секретари посольства) – вот только наиболее заметные фигуры этого плана, работавшие в США на рубеже XIX–XX вв. Иностранные корни нисколько не умаляли ни профессиональных достоинств этих дипломатов, ни их преданности российскому престолу [5, с. 107–108], но все-таки накладывали свой отпечаток на их религиозные чувства. Недаром ревнитель нацио-

нального православия обер-прокурор Святейшего Правительствующего синода К. П. Победоносцев, курировавший Алеутскую и Аляскинскую (с 1905 г. – Алеутскую и Северо-Американскую) епархию и знакомый с большинством российских дипломатов в США, писал своему доверенному корреспонденту: «...вот первого человека встретил с русским сердцем – Боткина, – но и тот, кажется, года через полтора оставляет Америку»¹. Первый секретарь и одно время управляющий миссией в Вашингтоне Петр Сергеевич Боткин, как мы увидим ниже, действительно был энергичным защитником православия и поддерживал тесные отношения с епископом Николаем (Зиоровым), хотя оставался сугубо светским человеком, свободно вращавшимся в высших кругах Вашингтона и Нью-Йорка.

Организирующим началом всей жизни дипломатов в Америке служил церковный календарь с его чередой религиозных праздников, постов и других церковных событий. «Вся официальная жизнь дипломатической службы была окружена православной обрядностью, – замечает А. И. Кузнецов. – Любое, сколько-нибудь заметное событие в жизни государства, МИД или дипломатического представительства за границей отмечалось богослужением и молебном» [6, с. 176]. Все награждения и продвижения по службе, как правило, приурочивались к Пасхе или Рождеству. Неотъемлемым атрибутом образа жизни дипломатов было участие в богослужениях и других церковных обрядах. Даже те чиновники, которые жили вдали от церкви (как, например, в Вашингтоне, где не было ни посольского, ни просто православного храма), должны были ходить на исповедь и причастие хотя бы раз в год. На Пасху и Рождество все дипломаты миссии (с 1898 г. – посольства) во главе с посланником (послом), как правило, отправлялись в Нью-Йорк на праздничную литургию в Свято-Николаевскую церковь, которая с 1905 г. стала кафедральным собором. Так, например, в апреле 1910 г. нью-йоркские газеты подробно описывали торжественное пасхальное богослужение в новом кафедральном соборе с участием посла Р. Р. Розена, консула А. А. Шлиппенбаха и других российских дипломатов; вел службу глава епархии еп. Платон (Рождественский). Особое впечатление на американцев неизменно производили нарядные облачения священников, богатое убранство церкви и красота православного церковного пения².

Другим торжественным событием с неизменным участием дипломатов было освящение новых храмов. Центральным из них стало освящение 10 ноября 1902 г. того же Свято-Николаевского храма в Нью-Йорке, построенного в основном на народные пожертвования. «С левой стороны алтаря, на солее, поместилось посольство во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский с прочими чиновниками консульства, русский посланник в Корее А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б. Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, почетные прихожане и семейства причта», – описывал эту картину настоятель храма протоиерей

¹ Его Преосвященству, Епископу Алеутскому и Аляскинскому Николаю, 1 декабря 1893 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 247. Л. 36.

² New York Tribune. 1910. April 30.

А. Хотовицкий³. После литургии был дан обед для почетных гостей. «Продолжительное ура и троекратно исполненный гимн «Боже, Царя храни» сопровождали первый, возглашенный г. послом графом А. П. Кассини, тост за здоровье Государя Императора, – продолжал в своем отчете прот. Хотовицкий. – Тут же отправлена была за подписью графа А. П. Кассини и епископа Тихона телеграмма на имя министра иностранных дел»⁴.

Не меньшим торжеством были богослужения в честь коронации новых российских императоров и других праздничных событий в жизни монарших особ, отмечаемых с участием дипломатов. В частности, молебен по случаю восшествия на престол Александра III был проведен во всех приходах епархии, а в Сан-Франциско по просьбе генерального консульства России проводилась еще и отдельная служба для иностранных консулов⁵. Еще более торжественно отмечалась коронация Николая II. В Сан-Франциско после богослужения консул В. А. Арцимович устроил прием для почетных гостей; молебны прошли во всех приходах епархии с участием дипломатов там, где это было возможно⁶.

Кончины царственных особ также отмечались церковными службами. В марте 1881 г. панихида по «мученически убиенном Императоре Александре II» проводилась в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Чикаго и других православных храмах. Осенью 1894 г. российский посланник князь Г. Л. Кантакузен пригласил тогдашнего главу Северо-Американской епархии РПЦ епископа Николая в Вашингтон для «совершения заупокойной литургии, панихиды и приведения членов посольства к присяге» в связи с кончиной императора Александра III. 26 октября епископ отслужил всенощное бдение и привел к присяге сотрудников посольства, которые поклялись «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» новому российскому самодержцу Николаю II. Приведение к присяге новому императору священниками было обязательным для всех дипломатов; как и «Клятвенное обещание», оно символизировало единство государственного и духовного служения.

Присягали новому самодержцу не только дипломаты, но и все священнослужители, а также и другие русские подданные, находившиеся в США. Наилучшим каналом для охвата этой последней категории служили православные приходы, и не случайно российские миссии пользовались для этого церковной инфраструктурой. В ноябре того же, 1894 г. сразу после описанной процедуры в российской миссии посланник Кантакузен обратился к еп. Николаю с просьбой разослать всем настоятелям православных храмов в Америке Высочайший манифест и текст «Клятвенного обещания» верности новому императору и его наследнику с указанием о проведении обряда присяги. За его

³ Торжество освящения русского православного храма в Нью-Йорке // Прибавления к церковным ведомостям. 1902. № 50. С. 1772.

⁴ Там же. С. 1774.

⁵ Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress, Manuscript Division (далее – ARCA). Cont. B, Reels 39-40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop, Office correspondence 1881–1882.

⁶ San-Francisco Call. 1896. May 27.

соблюдением должны были следить штатные консулы, «вблизи которых находятся означенные церкви». Присяжные листы с подписями подданных и принимавших присягу священников надлежало переправить в российскую миссию в Вашингтоне⁷.

В столице епископ также провел заупокойную литургию и панихиду в присутствии президента США Г. Кливленда, членов его кабинета и дипломатического корпуса, отстоявших всю службу со свечами в руках [8, с. 20]. По отзывам американской прессы, «это было одно из самых впечатляющих событий такого рода, когда-либо наблюдавшихся в Вашингтоне». Подробно описывая церемонию богослужения, местные газеты сообщали, что «поскольку в Вашингтоне нет православной церкви, то помещение миссии было переоборудовано в молитвенное место с алтарем и всеми другими необходимыми принадлежностями»⁸. На следующий день еп. Николай в сопровождении русского посланника был тепло принят в Белом доме, где рассказал о проблемах епархии и заручился заверениями президента и его министров содействовать русской православной миссии на Аляске. В отчете К. П. Победоносцеву владыка Николай писал, что в заключение встречи президент Кливленд «вопреки этикету, проводил нас до дверей зала, любезно раскланявшись с нами. Наша служба, по его словам, произвела на него потрясающее впечатление (impressive)»⁹. Так церковь и дипломатия использовали, казалось бы, чисто церковные поводы для защиты своих интересов перед американскими властями.

В практике российской дипломатии в Америке случались и более необычные примеры богослужений, связанных с дипломатическими переговорами. Пожалуй, наиболее яркий из них имел место во время визита в США российской делегации во главе с председателем Комитета министров С. Ю. Витте для участия в российско-японских переговорах по заключению мирного договора с Японией летом 1905 г. Вскоре после прибытия делегации в Нью-Йорк в Свято-Николаевском кафедральном соборе был устроен молебен во имя успешного проведения этих сложных для России переговоров после унижительного поражения в Русско-японской войне. Сам Витте показал себя в Америке с самой лучшей стороны как христианин и государственный деятель. «Витте встречали прекрасно, – сообщал настоятель собора А. Хотовицкий главе епархии еп. Тихону. – В несколько дней он повернул симпатии публики в сторону несколько иную, чем прежде. Очень простой человек. Принимали его в церкви и в Ваших покоях. Молебен был непередаваемо молитвенный...» [10, с. 159]. В самый ответственный момент переговоров заместитель главы делегации, российский посол в США барон Р. Р. Розен пригласил настоятеля о. А. Хотовицкого в Портсмут для проведения молебна в помощь их успешному завершению; туда же в напряженном ожидании съехались и представители других христианских конфессий. Судьба переговоров висела на волоске вплоть до последнего дня, когда были согласованы окончательные

⁷ Его Преосвященству Епископу Николаю, 17/29 ноября 1894 г. // ARCA, Cont. D 474-475, 1894–1895.

⁸ The Morning Call. 1894. November 10; The Evening World. 1894. November 9.

⁹ Его Высокопревосходительству Ober-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, 3/15 ноября 1894 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3093. Л. 27–29.

условия мирного договора. Сразу после их согласования российская делегация отправилась в местный епископальный собор, где впервые в истории был организован совместный благодарственный молебен православных и англиканских священников «за ниспослание мира и прекращение пролития невинной крови», как писал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте. Протоиерей Хотовицкий произнес проникновенную краткую проповедь на английском языке в память всех павших в этой войне. «Затем последовало пение благодарственного церковного гимна всеми служителями церкви и церковными хорами, – продолжал Витте. – Все время многие молящиеся плакали. Я никогда не молился так горячо, как тогда. В этом торжестве проявилось единение всех христианских церквей, мечта всех истинно просвещенных последователей христианского учения и единения всех сынов Христа в чувстве признания великой заповеди – не убий» [2, с. 357]¹⁰. Так богослужение стало своеобразным литургическим сопровождением дипломатических переговоров.

Участие дипломатов в церковных делах не ограничивалось богослужениями. В консульских округах существовала традиция избрания консулов старостами городских приходов: В. А. Арцимовичи и П. М. Козакевич в Сан-Франциско, Х. Я. Таль и А. А. Шлиппенбах в Чикаго, В. А. Теплов и Н. Н. Лодыженский в Нью-Йорке. Для церкви такая практика объяснялась соображениями целесообразности, поскольку консулы по долгу службы занимались защитой интересов российских граждан, а также помогали в решении имущественных и правовых проблем епархии, пользовались известностью и уважением на приходах. Для консулов, в свою очередь, тесная связь с приходами, объединявшими членов русской колонии, была важна для выполнения их служебных обязанностей. Вот, например, с чего начиналась служба генерального консула в Нью-Йорке Владимира Александровича Теплова по описанию прот. А. Хотовицкого в его рапорте главе епархии: «Немедленно почти с парохода он явился в церковь, где по его просьбе было мною отслужено благодарственное Господу Богу молебен по поводу благополучного исхода плавания, – а в воскресенье г. Теплов после литургии знакомился у нас в доме с русской колонией: присутствовали не только интеллигентные люди, но и простые прихожане. В силу того, что при нашей церкви до сих пор нет старосты, прошу покорнейше разрешить теперь же произвести избрание одного, наименовав таковым нового консула»¹¹. Разрешение епископа не замедлило себя ждать.

Большинство консулов ответственно относилось к выполнению своих приходских обязанностей, но некоторые делали это весьма формально, не утруждая себя лишними заботами. Так, переписка еп. Николая с К. П. Победоносцевым пестрит сетованиями в адрес консула в Чикаго Х. Я. Таля, не проявлявшего рвения в помощи церковным делам, в том числе в деле передачи Аляскинскому духовному правлению пожертвованного имущества Русского павильона на Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. «Поведение Таля приводит меня в негодование, – отвечал Победоносцев владыке на его жалобы. –

¹⁰ Priests of Greek and Episcopal Churches Conduct Service // New York Tribune. 1905. September 6.

¹¹ Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю, 5/17 мая 1898 г. // ARCA, Cont. D, Reel 452-453, New York, New York, Hotovitskii Aleksandr, 1895-1898.

Буду всячески стараться, чтобы его убрали... И здесь немного найдешь людей, понимающих дело и потребности церковные»¹². Видимо, не без вмешательства обер-прокурора Таля в Чикаго вскоре заменил барон А. Шлиппенбах.

Еще более вопиющим исключением стала деятельность того же Теплова. Это был на свой лад незаурядный человек с опытом дипломатической работы на Балканах, занимавшийся исторической публицистикой на международные темы, в том числе на страницах катковского «Русского вестника». Но в церковные дела он душу явно не вкладывал. Будучи по должности попечителем строящегося Свято-Николаевского собора и членом комитета по его строительству, консул не проявлял особой заинтересованности в содействии этому предприятию, что не мешало ему приписывать себе большие заслуги в его продвижении перед своим начальством. Так, при освящении нового храма в 1902 г. он опередил посла А. П. Кассини телеграммой в Священный синод об этом событии, в которой (как писал вл. Тихону о. А. Хотовицкий) «фигурировал, понятно, только “он”, то есть сам устроитель, а прочее все являлось только дополнением к его заботливости, щедрости и пр.» [10, с. 77]. Консул «на каждом шагу выдвигает себя как деятеля и строителя нашей церкви, хлопотавшего-де в Петербурге и др., когда он палец о палец не ударил», добавлял настоятель в письме еп. Тихону [Там же, с. 66–67].

Мало того, Теплов настолько увлекся незаконными финансовыми операциями (в том числе с приходскими средствами, которые хранились в банке на его счете), что вызвал жалобы со стороны своих подчиненных. «Оказывается, что этот, возлагающий на алтарь отечества и церкви столько часов деятель, – сообщил еп. Тихону прот. Хотовицкий в начале 1901 г., – разоблачен в своем поведении своим помощником Карасевым с самых некрасивых сторон: продавал фальшивые паспорта, занимался грязными комиссиями, делал подлоги, растраты и пр.». Дело дошло до того, что посол А. П. Кассини, будучи в Нью-Йорке, приватно попросил о. А. Хотовицкого «не сдавать церковных сумм Теплову на хранение в Консульство, так как-де он по денежной части очень неразборчив и окружает себя недостойными людьми». Провинившийся консул был вскоре отозван в Россию. «Скатертью ему дорога», – откомментировал Хотовицкий отъезд Теплова [10, с. 67].

Преемником Теплова стал Николай Николаевич Лодыженский – дипломат и композитор-любитель, сочинения которого заслужили похвалу Н. А. Римского-Корсакова. Он происходил из музыкальной семьи обедневших тверских помещиков, состоял в родстве с А. С. Даргомыжским и был близок к балакириевской «Могучей кучке». Оставив занятия музыкой с середины 1870-х гг., он посвятил себя дипломатической службе, работал в дипломатических миссиях на Балканах, где изучал языки и культуру местных славянских народов. Убеденный славянофил, тесно связанный с православной церковью, Лодыженский принял горячее участие в жизни своего нью-йоркского прихода. Лучше всего о его деятельности на этом поприще рассказал прот. А. Хотовицкий в своем прошении о награждении консула за заслуги перед

¹² 25 августа 1893 г. // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 247. Л. 30.

церковью. Этот доклад настоятеля заслуживает подробного изложения, поскольку в нем отражена вся многогранная работа Лодыженского.

«Сопряженная с особыми трудностями в метрополии Северной Америки, г. Нью-Йорке, эта должность (приходского старосты. – *Авт.*) встретила в своем носителе энергичного работника церковного, убежденного христианина, преданнейшего сына православной церкви и родины, который, несмотря на свои немолодые годы, не щадил сил на дело преуспеяния нашего храма здесь и при нем православного прихода, помогая причту во всех обстоятельствах сложной миссионерской жизни. Как церковный человек, г. Лодыженский лично – своими знакомствами установил в Нью-Йорке сердечные отношения к нам со стороны других исповеданий, способствовал ознакомлению оных с особенностями нашей православной Церкви, приветливостью привлекая случайных посетителей нашего храма к более частому и внимательному посещению православных служб и т. д. Этим церковным характером и истинной набожностью Н. Н. Лодыженский приобрел в глазах американцев высокое уважение и доверие». Консул много жертвовал церкви из личных средств, способствовал сближению с американской епископальной церковью, принимая участие в совместных богослужениях¹³ и публикациях с епископами. Свой интерес к англиканской церкви он объяснял американской аудитории тем, что его мать, получившая английское образование, в детстве научила его молиться на обоих языках¹⁴.

«Он всегда по своему собственному почину сопутствовал Архипастырю при путешествии Владыки по окрестным приходам, искренне интересуясь приходскими успехами, составом населения и т. д., – продолжал в своем представлении о. Хотовицкий. – Знание славянских народов и языков, при смешанности православного населения в Америке, приблизило г. Лодыженского к сердцу прихожан многих церквей, а глубокая его религиозность и убежденность сделали, быть может, больше в смысле победы над предубеждениями

¹³ Этими богослужениями не нарушались каноны православной Церкви, запрещающие совместные молитвы с еретиками. Хотя Англиканское сообщество церквей (в которое входит Епископальная церковь США, далее – ЕЦ США) в своей догматике, экклезиологии и основах канонического устройства (а сегодня и в вопросах христианской нравственности) существенно отошло от веры и учения апостолов, хранимых в православной Церкви, православная Церковь официально не объявляла англикан еретиками [9, с. 18]. Напротив, 2-я пол. XIX – нач. XX в. было временем сближения Русской православной церкви и англиканских церквей, которые тогда были неизмеримо ближе к православию, чем в настоящее время. Достаточно сказать, что в 1912 г. Св. синод РПЦ утвердил устав Общества ревнителей единения восточно-православной и англиканской Церквей, а председателем Общества стал архиеп. Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский). Дружественные отношения между РПЦ и ЕЦ США также развивались, в частности, благодаря контактам главы Алеутской и Северо-Американской епархии архиеп. Тихона (Белавина) с еп. Фон-дю-Лакским Чарлзом Графтоном (Англикано-православные связи // Православная энциклопедия. Т. 2. URL: <https://www.pravenc.ru/text/Англикано-православные%20связи.html> (дата обращения: 12.08.2022). Активную позицию в этом деле занял и о. А. Хотовицкий, который в 1913 г. участвовал в подготовке Всемирной экуменической конференции «Вера и церковное устройство», идея которой была разработана ЕЦ США [9, с. 27]. Однако такие общие богослужения были не евхаристическими, так как евхаристического общения между православными и епископами не было даже тогда. Если такие богослужения проходили с совместным участием православных и англиканских священнослужителей, то это были специально составленные неуставные молебствия по особым случаям, подобным вышеупомянутому благодарственному молебну в сентябре 1905 г.

¹⁴ The Sun. 1908. March 20.

против России и “цезаризма”, чем многие проповеди». Во время Русско-японской войны, когда американская пресса повернулась против России, продолжал настоятель, «наша церковь освободилась от многих горьких минут и испытаний в эту пору, благодаря благородной душе Николая Николаевича, всегда ревностно отстаивавшего интересы нашей родины и Церкви на американских собраниях, беседах и пр.».

Особенно важную роль Лодыженский сыграл в борьбе с кампанией против бруклинского викария епископа Рафаила (Хававини) – самого известного православного священника сиро-арабского происхождения в США, главы сиро-арабской миссии в Северной Америке (позднее канонизированного святителем Православной церкви Америки). В августе-сентябре 1905 г., когда обострился межконфессиональный конфликт внутри сиро-арабской диаспоры Нью-Йорка между православными и католиками-маронитами, он стал главной мишенью маронитов и был арестован по ложному обвинению в нападении на полицейского¹⁵. Консул Лодыженский, как отмечала нью-йоркская пресса, выступил главным защитником обвиняемого¹⁶. «На Преосвященного Рафаила враждебная его церкви и его русским чувствованиям клика обрушилась с самыми жестокими обвинениями, пытаясь втянуть его в ответственное пред законом положение заговорщика и пр., – писал об этом настоятель. – Искусно и нагло подстроенная западня с подкупом местного низшего полицейского чина в Бруклине должны были выставить Преосвященного Рафаила в роли подстрекателя к убийству и пр. Ввиду того, что противная партия умела ловко использовать и обратить в свою выгоду прежнюю миссионерскую борьбу Преосв. Рафаила против латинства и представить Преосв. Рафаила как подпленного русского агента, проводника российского «деспотизма» здесь и т. д., требовалось очень умное и энергичное противопоставление этим клеветникам доводов истины и в этом деле Н. Н. Лодыженский проявил истинное и бескорыстное мужество, уделив поднятому в суде процессу массу своего времени и внимания, и честным путем добившись полного посрамления клеветников и признания судом невиновности Преосв. Рафаила и злостности возведенных против него обвинений». В заключение о. А. Хотовицкий ходатайствовал перед еп. Тихоном о представлении консула к «возможно высокой – не в очередь – награде»¹⁷. Видимо, не без ходатайства Церкви Лодыженский вскоре получил орден Святого Станислава.

Весной 1908 г. нью-йоркские прихожане и другие почитатели Лодыженского торжественно проводили его на родину. Американская епископальная церковь во главе со своими иерархами устроила в его честь прием, на котором консулу вручили памятный серебряный кубок тонкой работы и адрес со словами: «Вами совершено так много в течение Вашего здесь пребывания, к

¹⁵ Подробнее об этом конфликте см.: Namee M. The Battle of Pacific Street, Part 4 // *Orthodox History*. URL: <https://orthodoxhistory.org/2014/08/04/the-battle-of-pacific-street-part-4-did-st-raphael-try-to-shoot-a-policeman> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁶ *Syrian Bishop Speaks* // *New York Tribune*. 1905. September 25.

¹⁷ Почтительнейший доклад, 1/14 декабря 1905 г. // Св. Александр (Хотовицкий). *Миссионерский период Православной церкви в Америке 1896–1909*. Т. 2. С. 162–163.

утверждению дружеских чувств между американской церковью и православной русской церковью и к расширению – на всех путях влияния Вашего – идеи приязни и единения, что в Вашем лице понесена будет великая потеря». От епископальной церкви адрес подписали семь епископов, шестьдесят три священника и четырнадцать наиболее видных мирян¹⁸. Чествование состоялось и в кафедральном Свято-Николаевском соборе с участием еп. Тихона. Оно «было закончено молебствием с провозглашением обычных к сему обстоятельству приличествующих многолетий, – писал об этом «Американский православный вестник», – после чего в покаях Владыки Архиепископа почтитатели – каждый по своему – приветствовали растроганного Николая Николаевича и желали ему всего лучшего в жизни» [10, с. 196–197].

Н. Н. Лодыженский и после возвращения в Россию не оставил своего служения обществу и православной церкви: состоял кашинским уездным предводителем дворянства, чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода, казначеем Палестинского общества, членом Славянского благотворительного общества, а также стал одним из основателей Общества ревнителей единения восточно-православной и англиканской церквей.

Если Лодыженский может служить образцом благочестия среди дипломатов, то Петр Сергеевич Боткин – секретарь и одно время управляющий миссией России в Вашингтоне (1892–1895 гг.) – был в этом отношении более типичной для российского дипломатического корпуса фигурой. Сын знаменитого врача и организатора отечественной медицины С. П. Боткина, родной брат лейб-медика Е. С. Боткина, сохранившего верность царской семье, убитого вместе с ней в 1918 г. и недавно прославленного РПЦ в лике страстотерпцев, он вырос в рафинированной среде столичной интеллигенции, собиравшейся в гостеприимном боткинском доме. После окончания Петербургского университета Петр Боткин поступил на работу в МИД, но, не имея протекции, застрял мелким чиновником Азиатского департамента, пока не получил место в Вашингтоне, куда в ту пору мало кто хотел ехать из-за отдаленности и низкой престижности. В США, однако, молодой дипломат быстро освоился и нашел себя. «В Америке все для меня было ново, занимательно, интересно, весело, с ног сшибательно, – вспоминал он позднее. – ...Я катался как сыр в масле, перелетая из Вашингтона в Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию, Балтимору и возвращался обратно в свое гнездо, в Вашингтон, где светская жизнь в зимнее время была ключом» [1, с. 63]. Живой, общительный и образованный собеседник, театрал, меломан и хороший спортсмен, Боткин пользовался успехом в американском обществе и вел активную светскую жизнь: приемы, балы, концерты и выставки, любительские спектакли. Это не мешало ему оставаться глубоко русским православным человеком, принимавшим близко к сердцу нападки на Россию и ее церковь.

С разрешения руководства МИД он не побоялся вступить в публичную полемику с главным тогда критиком русского самодержавия маститым публицистом Дж. Кеннаном. В феврале 1893 г. популярный иллюстрированный

¹⁸ Loving Cup to de Lodygensky // The Sun. 1908. March 20.

ежемесячник Century опубликовал его статью «Голос в защиту России», в которой Боткин в пику Кеннану доказывал органичность автократического правления для России и веротерпимость Русской православной церкви. «Сила России, – заключал он, – именно и заключается в этом единстве власти, крепкой вере, любви народа к своему отечеству и преданности и доверии к Монарху» [11, р. 611–615].

Статья вызвала большой резонанс в американской и российской печати. Отклики в Америке были большей частью положительные. «...Не только американская печать, но и все американское общество с большой сердечностью, почти с энтузиазмом отозвалось на статью молодого русского дипломата, – писала нью-йоркская The Sun. – М-р Боткин может по праву гордиться своим обращением к американскому обществу»¹⁹. Но были и серьезные критики: ему ответил сам Кеннан и революционные эмигранты из России, гневно осудившие защитника самодержавия [4, с. 194–197]. Боткин отправил статью владыке Николаю, с которым поддерживал тесные отношения, на предмет совета по церковной части: «Мне очень интересно было бы знать Ваше мнение относительно того, что я написал о нашей церкви и ее веротерпимости»²⁰. С той же просьбой Боткин обратился к еп. Николаю в конце года, когда по поручению МИД готовил новую статью для американской прессы: «Если бы Вы были так добры и дали мне кое-какие пункты относительно веротерпимости православной церкви, я был бы Вам ужасно благодарен...»²¹

Вл. Николай исправно снабжал Боткина необходимыми сведениями и аргументами. Вдохновленный успехом своей статьи, Боткин по совету своего знакомого Теодора Рузвельта (будущего президента США, в ту пору главы комиссии Нью-Йорка по гражданской службе) обратился к посланнику Кантакузену с просьбой разрешить ему поездку по стране с лекциями о России. Посланник – дипломат «старого закала», по словам Боткина, – был искренне возмущен: «Что с Вами? Ваши успехи, кажется, вскружили Вам голову. Что Вы воображаете? Вы – Аделина Патти? Баттистини? Падеревский?»²² Нет, до того еще не дошло, чтобы дипломаты выступали на подмостках с волшебными фонарями» [1, с. 179].

Служебными вопросами переписка молодого дипломата со священником немногим старше его годами не ограничивалась. В ней видно почтительное и вместе с тем теплое отношение Боткина к еп. Николаю как духовному наставнику, его искреннее желание помочь и заслужить одобрение последнего. «От души желаю быть Вам полезным, в чем прикажете», – пишет он владыке, сообщая ему о состоянии ходатайства последнего по церковной собственности на Аляске²³. «Я сделал небольшое собрание изображений наших посланников

¹⁹ The Russian Treaty // The Sun. 1893. May 8.

²⁰ 24 декабря/5 января 1892/1893 г. // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

²¹ 27 декабря 1893/ 8 января 1894 // Ibid.

²² А. Патти и М. Баттистини – итальянские оперные певцы того времени; И. Я. Падеревский – польский пианист и композитор, а с 1910-х гг. также государственный и общественный деятель.

²³ 11/23 ноября 1892 г. // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

как блюстителей наших политических интересов, – пишет Боткин в конце того же года, – и мне было бы чрезвычайно приятно иметь и Ваше изображение как блюстителя наших духовных интересов. Портреты эти должны сохраняться на вечные времена в назидание и воспоминание нашим будущим представителям в дальнем крае»²⁴. Где-то сейчас эти изображения?

Вот Боткин приглашает епископа отдохнуть после болезни «у нас на востоке»: «В лице князя Кантакузена Вы найдете гостеприимного хозяина, умного и прекраснейшего человека. Князь очень сожалеет, что ему не удастся приехать на Страстной в Чикаго говеть. В последнее время мы были немного заняты заключением трактата о выдаче преступников и очень довольны его результатом – отныне Америка больше не будет приютом для крамольников» (как видно, дипломата и священника объединяли охранительный патриотизм и монархизм). Или сожалеет, что не сможет к Пасхе приехать в Чикаго, так как должен ожидать приезда фрейлины Ее И. В. княгини Шаховской, которую ему поручено было сопровождать: «Мне это очень грустно – вот уже второй год, что я этот день встречаю не в нашей церкви. Когда-то будет русская церковь и в Вашингтоне?»²⁵

В Чикаго они вскоре встретились и много общались на Всемирной выставке при открытии русского отдела [8, с. 15–18]. Во время отпусков в Петербурге Боткин обязательно посещал Священный синод, привозя еп. Николаю письма и книги от К. П. Победоносцева. После очередного возвращения из отпуска в конце 1893 г. он пишет владыке: «Когда-то мы встретимся опять? Не пожалуйте ли как-нибудь к нам в Вашингтон? Так буду рад Вас видеть и побеседовать»²⁶. Строгий обер-прокурор, как уже отмечалось, выделял Боткина как истинно русского человека. Впоследствии П. С. Боткин сделал неплохую дипломатическую карьеру, закончив ее в 1917 г. посланником в Португалии в ранге действительного статского советника и придворном звании камергера. После революции он эмигрировал во Францию, где и скончался в 1933 г.

Российские дипломаты выполняли и другие церковные обязанности: были попечителями православных храмов и обществ, доверенными лицами при получении займов на строительство церковных сооружений. Например, в 1902 г. посол А. П. Кассини по просьбе еп. Тихона стал гарантом получения ссуды под залог земли в банковском доме Дж. П. Моргана, необходимой для завершения строительства Свято-Николаевского храма в Нью-Йорке. Вопреки правилам посол даже не стал запрашивать разрешения на то МИД. По мнению настоятеля храма о. А. Хотовицкого, «помогло делу и то, что Кассини, кажется, не православный, и боялся бы в случае отказа получить упрек в холодности к православию» [10, с. 84]. Действительно, несмотря на свое лютеранское прошлое, граф проявлял неизменное участие в делах епархии, чем заслужил уважение ее руководства. В 1903 г. по представлению еп. Тихона

²⁴ 24 декабря/5 января 1892/1893 г. // Ibid.

²⁵ 8/20 марта 1893 // Ibid. Первая приходская православная церковь в Вашингтоне, построенная на средства русских эмигрантов, появится только в 1930 г.

²⁵ 27 декабря 1893 / 8 января 1894 // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

²⁶ Там же.

Священный синод выразил признательность послу за «доброе содействие его преуспеянию православного дела в Америке и внимание к нуждам нью-йоркского храма» и наградил его Священным Писанием в подарочном переплете²⁷.

Дипломаты также регулярно участвовали в организованных епархией благотворительных мероприятиях. Так, весной 1910 г. посол Р. Р. Розен и его помощники присутствовали на благотворительном концерте в знаменитой нью-йоркской гостинице «Валдорф Астория», организованном преосв. Платоном в пользу Русского православного дома для иммигрантов²⁸.

Важную роль в отношениях между дипломатами и священнослужителями играл «человеческий фактор» – личные связи между ними. Здесь немало зависело от авторитета главы епархии и его умения налаживать отношения с дипломатическими представителями. Не случайно сильные, колоритные иерархи – еп. Николай и его преемник архиеп. Тихон – пользовались уважением в дипломатической среде, хотя их жалобы на пассивность российских миссий в Америке и вызывали порой скрытое раздражение руководства этих миссий. В частности, вл. Николай плодотворно сотрудничал с консулом и церковным старостой В. А. Арцимовичем, в консульском округе которого тогда располагалась и кафедра епархии. Арцимович происходил из дворянского рода польского происхождения (его отец был тайным советником и сенатором), человеком по-европейски светским и элегантным, что не мешало его дружбе с не жаловавшим поляков епископом Николаем. В американском архиве сохранилась их переписка, отражающая дружеский характер их взаимоотношений: они вместе организуют церковные и светские мероприятия, обедают в местном Pacific Union Club (членом которого был Арцимович), информируют друг друга о подозрительных персонажах среди русских эмигрантов, обсуждают козни противников православия и способы борьбы с ними. Так, в начале 1894 г., когда отмечалось столетие русской духовной миссии в Америке, в калифорнийской газете Examiner появилась пасквильная статья, из которой, как писал консул епископу, «я увидел, что враги церкви нашей в Сан-Франциско по-своему готовились и готовили публику к предстоящему торжеству. Со скорбью и негодованием читал эту пакость! К счастью, в Америке мало обращают внимания на выходки этих грязных пачкунов»²⁹. Арцимович помогает еп. Николаю в организации его ежегодных дальних поездок по обзору епархии. Провожая владыку в очередное плавание на Аляску, консул пишет ему: «Это не просто путешествие, а действительный подвиг на пользу Православия и молю Бога, чтобы здоровье и бодрость душевная не покидали Вас!»³⁰ Арцимович впоследствии сделает большую и нетипичную для кон-

²⁷ Определение Св. Синода от 30 июля 1903 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 184 (1903). Д. 54486. Л. 2–2 об.

²⁸ New York Tribune. 1910. March 13.

²⁹ 30 декабря 1893/ 11 января 1894 // ARCA, Cont.D 476-478. Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Artsimovich, Vladimir (Antonovich), Imperial Russian Consul, 1871–1897.

³⁰ 28 июня /10 июля 1897 г. // Ibid.

сульской работы дипломатическую карьеру, дослужившись до поста директора Департамента личного состава и хозяйственных дел (1910) и товарища министра иностранных дел (1914–1916)³¹.

Конечно, жизнь российских дипломатов и священнослужителей в США резко отличалась. Дипломаты, особенно руководящий состав, вели светский образ жизни, свободно вращаясь в кругу американской знати и дипломатического корпуса, составленного тогда преимущественно из представителей европейского дворянства. Некоторых из них с американским светом связывали родственные узы (Ю. П. Бахметев, барон Бодэ, Г. Б. Шиллинг, В. А. Арцимович были женаты на светских американках). Российские дипломаты были частыми персонажами светской хроники Нью-Йорка и Вашингтона, сообщавшей о приемах, балах, концертах и благотворительных мероприятиях.

Особенно плотно интегрированными в столичную светскую жизнь были посланник К. В. Струве и посол Р. Р. Розен. Первый – «удивительно милый, добрейшей души человек» (по отзыву Боткина), сын знаменитого астронома и сам незаурядный астроном, а также способный пианист – относился к славной династии Струве, давшей России целую плеяду ученых, дипломатов и политических деятелей. «Большая семья Струве, – пишет знаток истории российско-американских отношений Н. Соул, – прекрасно прижилась и высоко ценилась в вашингтонском обществе (у Струве было пятеро детей, в том числе четыре дочери, которые впоследствии все стали фрейлинами. – *Авт.*)» [12, р. 263]. При Струве российская миссия переехала в престижный и просторный особняк на Коннектикут-авеню, ставший одним из центров дипломатической жизни Вашингтона.

Розен, который до этого уже работал и в миссии в Вашингтоне, и консулом в Чикаго и Нью-Йорке, все эти годы сохранял членство в привилегированном вашингтонском клубе «Метрополитэн», был частым гостем на ежегодных обедах другого эксклюзивного столичного клуба «Гридирон», где собиралась вся вашингтонская знать. Газеты подробно писали и о светских успехах его супруги и юной дочери, отличавшейся не только на балах, но и спортивных состязаниях³². На лето (с мая по октябрь) российское посольство, как и остальной дипломатический корпус и само правительство, перебиралось из знойного Вашингтона в прохладную Новую Англию, где на фешенебельных дачах богачей и иностранных дипломатов кипел летний светский сезон. Короче говоря, российские дипломаты в Америке жили в комфортной и культурно близкой им среде.

³¹ По словам дипломата Г. Н. Михайловского, «...Арцимович был человек „заграничный“. Очень элегантно наружности и „дипломатической“ обходительности в обращении, Арцимович был прежде всего „человеком приятным во всех отношениях“... это был дипломат из консулов; при том различии консульской и дипломатической карьеры это было странно, а то, что он дослужился до такого крупного поста, прямо изумительно. Некоторый свет проливает на такое возвышение Арцимовича его долгое пребывание в качестве нашего генерального консула в Берлине. Арцимович имел счастье понравиться Вильгельму II и, получив, как это было точно известно в ведомстве, придворное звание камергера не без протекции германского правительства, приглашался к германскому императору во дворец, тогда как обычно консулы не имели входа туда. Честолюбивая жена-американка (Арцимович был до этого консулом в Сан-Франциско, где и женился) также много способствовала его положению в Берлине [7, с. 12–13].

³² New York Tribune. 1906. June 10; 1907. April 15.

Другое дело – священнослужители, в большинстве своем не знавшие ни английского языка, ни американских порядков и вообще впервые оказавшиеся за границей. «Архиерею везде хорошо», – полушутя говаривал преосв. Тихон, но даже для епископов жизнь в Америке была нелегкой. Постоянные объезды огромной епархии (самой большой по размерам в православном мире), особенно ежегодные изнурительные поездки на Аляску, при весьма скромном содержании и постоянных хлопотах управления сложным епархиальным хозяйством ложились тяжелым бременем на плечи церковного начальства. Настоятелям и рядовым приходским священникам тоже приходилось нелегко в общении с непривычной для них паствой, тем более туземцами Аляски, не знавшими русского языка. И уже совсем тяжелой была служба миссионеров на Аляске, месяцами странствующих на байдарках и пешком среди не всегда миролюбивых туземных племен. И тем не менее эти два русских мира объединяла общая вера и общее дело – продвижение российского влияния в Америке.

Список литературы

1. Боткин С. Картинки дипломатической жизни. Париж : Изд-во Е. Сияльской, 1930. 187 с.
2. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1: Царствование Николая II / [предисл. М. И. Покровского]. Петроград [Ленинград] : Гос. изд-во, 1923. 471 с.
3. Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX в. М. : Молодая гвардия, 2010. 521 с.
4. Журавлева В. И. Понимание России в США. Образы и мифы, 1881–1914. М. : РГГУ, 2012. 1150 с.
5. Кузнецов А. И. «Засилье» иностранцев на дипломатической службе Российской империи: миф и реальность // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 104–109.
6. Кузнецов А. И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. М., 2005. 218 с.
7. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1. М. : Междунар. отношения, 1993. 520 с.
8. Печатнов В. О., Печатнов Вал. В. Русский епископ в Америке «позолоченного века» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 1(14). С. 7–30.
9. Православие и экуменизм : документы и материалы, 1902–1998. М. : МФТИ, 1999. 496 с.
10. Св. Александр (Хотовицкий). Миссионерский период Православной церкви в Америке 1896–1909 / под ред. Г. М. Солдатова. Minneapolis, Minnesota : AARDM Press., 1998. 242 с.
11. Botkine P. Voice for Russia // Century. 1893. Vol. 45. February. P. 611–615.
12. Saul N. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 1996. 672 p.

References

1. Botkin S. *Kartinki diplomaticheskoi zhizni* [Pictures of diplomatic life]. Paris, E. Siyalskaya Publ., 1930. 187 p. (in Russian)
2. Vitte S.Yu. *Vospominaniya. T. 1: Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memories. Vol. 1: The reign of Nicholas II]. Foreword by M. I. Pokrovsky. Petrograd, St. Publ., 1923, 471 p. (in Russian)
3. Grigor'ev B.N. *Povsednevnyaya zhizn tsarskikh diplomatov v XIX v.* [Daily life of tsarist diplomats in the 19th century]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010, 521 p. (in Russian)
4. Zhuravleva V.I. *Ponimanie Rossii v SShA. Obrazy i mify, 1881–1914* [Understanding Russia in the USA. Images and myths, 1881–1914]. Moscow, RGGU Publ., 2012, 1150 p. (in Russian)
5. Kuznetsov A.I. “Zasil'e” inostrantsev na diplomaticheskoi sluzhbe Rossiiskoi imperii: mif i realnost [“Dominance” of foreigners in the diplomatic service of the Russian Empire: myth and reality]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2014, no. 3, pp. 104–109. (in Russian)

6. Kuznetsov A.I. *Podgotovka i vospitanie diplomata v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Training and education of a diplomat in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ph. D. dissertation thesis. Moscow, 2005. 218 p. (in Russian)
7. Mikhailovskii G.N. *Zapiski. Iz istorii rossiiskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914-1920 gg. Kniga 1* [Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914-1920. Book 1.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 520 p. (in Russian)
8. Pechatnov V.O., Pechatnov Val.V. *Russkii episkop v Amerike «pozolochennogo veka»* [Russian Bishop in Gilded Age America]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021. no. 1(14). pp. 7-30. (in Russian)
9. *Pravoslavie i ekumenizm. Dokumenty i materialy, 1902-1998* [Orthodoxy and ecumenism. Documents and materials, 1902-1998]. Moscow, MFTI Publ., 1999. 496 p. (in Russian)
10. *Sv. Aleksandr (Khotovitskii). Missionerskii period Pravoslavnoi tserkvi v Amerike 1896-1909* [St. Alexander (Khotovitsky). Missionary Period of the Orthodox Church in America 1896-1909]. Ed. by G.M. Soldatov. Minneapolis, Minnesota, AARDM Press, 1998, 242 p. (in Russian)
11. Botkine P. Voice for Russia. *Century*, 1893, vol. 45, Febr., pp. 611-615.
12. Saul N. *Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867-1914*. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 1996, 672 p.

Сведения об авторах

Печатнов Валентин Владимирович
 кандидат исторических наук, доцент,
 кафедра философии им. А. Ф. Шишкина
 Московский государственный институт
 международных отношений (университет)
 МИД России
 Российская Федерация, 119154, г. Москва,
 пр-т Вернадского, 76
 e-mail: vpechatnov@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-9340-9363

Печатнов Владимир Олегович
 доктор исторических наук, профессор,
 кафедра истории и политики стран Европы
 и Америки
 Московский государственный институт
 международных отношений (университет)
 МИД России
 Российская Федерация, 119154, г. Москва,
 пр-т Вернадского, 76
 e-mail: vopechatnov@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-6733-031x

Information about the authors

Pechatnov Valentin Vladimirovich
 Candidate of Sciences (History), Associate
 Professor, Department of Philosophy
 Moscow State Institute of International
 Relations (University)
 76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russian
 Federation
 e-mail: vpechatnov@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-9340-9363

Pechatnov Vladimir Olegovich
 Doctor of Sciences (History), Professor,
 Department of European and American Studies
 Moscow State Institute of International
 Relations (University)
 76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russian
 Federation
 e-mail: vopechatnov@gmail.com
 ORCID: 0000-0001-6733-031x